

Вернулись в горы они лишь на следующий день к полудню. Юаньдин и Гуаньбао, притаив маленькие скамеечки, уже невесть с какого времени сидели у ворот и ждали. Тень от дерева у дома с утра косо легла поперёк двора, а теперь, когда солнце поднялось в самый зенит, прикрывала лишь то место у дверного столба, где стояли скамеечки под детьми. Следя за движением света, Юаньдин прикидывал время - этому его научил брат Си. Брат Си говорил, что в сутках двадцать четыре часа, и когда солнце стоит точно посередине неба, это полдень, двенадцать часов.

Два малыша, подперев подбородки ладонями, то смотрели на солнце, то переводили взгляд к концу извилистой тропинки у ворот. И когда там наконец показались две знакомые фигуры, они, словно два воробья, замахали крыльями и помчались навстречу.

За эту поездку с гор закупили немало. Вернув лошадей на почтовой станции, им пришлось нести всё на себе, и оба были увешаны узлами и тюками. Самые тяжёлые вещи, зерно и соль, Жун Фэн взял на себя, не позволив Бянь Хуну нести что-нибудь тяжёлое. У того в руках были лишь лекарства для старушки да большой тюк хлопка. Хлопок был тем, что перед отъездом особо велела купить мать Жун, и как бы ни было, это поручение нужно было выполнить полностью.

Войдя в дом, они увидели, что мать Жун спит. Волосы её давно поседел, годы вырезали на лице глубокие морщины, цвет лица был плох. Болезнь никуда не делась, но сейчас в ней было редкое спокойствие и тишина.

Жун Фэн подошёл, наклонился и машинально протянул руку, проверяя лёгкое дыхание у кончика её носа. Лишь убедившись, что всё в порядке, он с облегчением выдохнул и вышел наружу.

Эти два дня готовил Юаньдин. Он не позволял слепой старухе на ощупь заходить на кухню, а по-прежнему ставил под очаг тот самый маленький табурет: встав на него, можно было дотянуться до котла и готовить. Он заботился и о брате, и о матери Жун очень старательно: по ночам, когда холодало, не забывал протапливать глиняную лежанку и печь, днём, если выглядывало солнце, вывешивал сушиться фрукты и бататы. Только без брата Си на душе у него было беспокойно - стоило выдаться свободной минуте, как он усаживался с младшим братом у ворот и ждал.

И это ожидание принесло не только возвращение брата Си, но и неожиданный подарок. Разгрузив ношу, Жун Фэн вынул из рукава три сахарные фигурки, завернутые в промасленную бумагу: одна немного раскрошилась, две другие остались целыми. Юаньдин и Гуаньбао никогда прежде такого не видели - они прижались к Бянь Хуну, сосали пальцы и не осмеливались взять.

В итоге именно Бянь Хун взял фигурки и вложил каждому по одной в ладонь:

— Сладкое, из сахара. Старший брат вам купил. Попробуйте.

Юаньдин, лизнув, изумлённо распахнул глаза, для него это был совершенно новый вкус. Гуаньбао, подражая брату, тоже осторожно лизнул и тут же восторженно вскрикнул.

Глядя на них, Бянь Хун вдруг почувствовал укол вины. Раньше, в приюте, хоть у них и не было ни отца, ни матери, заведующая всегда ходила просить пожертвования, собирала средства, старалась приготовить детям что-нибудь вкусное, находила учителей, чтобы они могли учиться. А он сам так и не сумел дать этим двоим детям лучшую жизнь. Жизнь была настолько тяжёлой, что они даже не осознавали этого, потому что никогда не знали, как бывает иначе, и потому воспринимали лишения как должное. Какая же это беда - впервые узнать вкус сахара, впервые понять, что такое «сладко».

Оставалась ещё одна фигурка. Жун Фэн, не разворачивая промасленную бумагу, протянул Бянь Хуну раскрошившиеся кусочки сахара, давая понять, чтобы тот съел их сам. Мать Жун от сладкого страдала зубной болью и плохо переваривала, да и во время болезни вкус у неё почти исчез, сладкое и горькое сливались для неё в одно и то же ощущение.

Что до самого Жун Фэна, вкусно или невкусно, ему было уже безразлично. С тех пор как мать заболела, готовил в доме он один. Он пробовал сделать еду получше, поразнообразнее, но каждый раз после всех стараний выходило лишь хуже, и в итоге он решил, что лучше вовсе не изобретать ничего лишнего.

Однако получив от Жун Фэна крошки сахара, Бянь Хун есть их не стал. Он убрался и пошёл на кухню, высыпал сахарные крошки в воду, добавил собранные на заднем дворе плоды дикой яблони, поставил на медленный огонь и долго уваривал, сделав фруктовую пастилу. Большая миска сладкой пастилы досталась всем, каждому по чуть-чуть. Мать Жун тоже смогла поесть и, улыбаясь, похвалила:

— Хорошо сварено.

В эту поездку Бянь Хун ещё и на те мелкие серебряные деньги, что дал ему Жун Фэн, купил две бамбуковые циновки для кана. Местные мастера плели их очень плотно: они сохраняли лёгкий аромат бамбука, летом давали прохладу, а зимой не подгорали от жара печи и при этом удерживали тепло.

Старая соломенная подстилка давно изнасилась настолько, что уже не изолировала от глины, спать на ней было откровенно неудобно, каждое утро постель покрывалась слоем пыли. А Бянь Хун, по правде говоря, был человеком чистоплотным. Даже немного чрезмерно. В приюте его койка всегда была безупречно чистой. Пока другие дети возились в грязи, у него под ногтями не было ни соринки, одежда оставалась чистой, к телу не липло ни пятнышка. Когда остальные мальчишки валялись в пыли и падали в канавы, он всегда ходил аккуратный и пах чистотой, за что нередко становился объектом насмешек. Старшие мальчишки, возвращаясь с игры, вспотевшие и пахнущие потом, любили, проходя мимо, подмигнуть и крикнуть ему вслед: «сестрёнка Сяо Хун».

Но, несмотря на насмешки, когда они вырастали, выходили в мир работать и зарабатывать,

именно они приносили «сестренке Сяо Хун» всякие средства от клещей, от микробов, пахнущие чистотой и свежестью.

А потом...

Потом были чёрные угольные ямы: вечная сырость, грязь и смрад, куда не проникал свет; крысы, лазившие прямо по мискам с едой, и люди, евшие рядом с ними; слишком глубокие шахты, из которых рабочие не выбирались наружу - справляли нужду прямо там, где трудились, отвернувшись и стянув штаны. Потом трюмы судов при нелегальном возвращении на родину, когда за запертыми люками люди разных цветов кожи были согнаны вместе, как скот, разных пород, но одинаково бесправный.

Потом выползание из морей трупов и рек крови, годы, пропитавшие тело застарелой кровавой грязью; реки, из которых приходилось пить, когда в воде плавали тела врагов, погибших неизвестно сколько дней назад; драки с беженцами за еду, когда жидкую кашу, перевёрнутую на землю, приходилось подбирать вместе с грязью и клочьями травы.

Никто больше не звал его в шутку «сестренкой Сяо Хун». Ради того чтобы выжить, он перестал быть собой. Иногда, глядя на отражение в воде, он словно разглядывал чужого человека. С растрёпанными волосами. С тревожным, настороженным взглядом.

— Брат Си, они уже высохли, совсем сухие и пушистые. Солнце скоро сядет. Старший брат спрашивает, не пора ли заносить одеяла обратно.

Юаньдин, прижавшись к подоконнику, окликнул Бянь Хуна, который в комнате как раз стелил бамбуковые циновки и задумался. Только тогда тот очнулся. Он посмотрел на Юаньдина, затем за его спину, в окно. Горный лес после первого мелкого снега был прозрачным и чистым. Выстиранные одеяла и простыни тихо и спокойно покачивались на верёвке для сушки, которую Жун Фэн натянул во дворе. Стоило подуть ветру, и даже из комнаты доносился лёгкий аромат плодовых деревьев - это был запах мыльных орехов, которыми он стирал бельё.

— Хорошо, пусть он занесёт их, — сказал Бянь Хун. — Раз постель уже чистая, вечером как раз вскипятим воды и помоемся.

— Ура, ура! И маленького ночного ссыкуна Гуаньбао как следует вымоем! — радостно выкрикнул Юаньдин.

Сказав это, он весело побежал звать Жун Фэна собирать бельё: верёвка была слишком высоко, и даже встав на табурет, он до неё не дотягивался. Жун Фэн снял простыни и, войдя в дом, увидел аккуратно застеленную лежанку, сухую, чистую комнату; даже зола вокруг печи была тщательно убрана. В помещении стоял лёгкий запах мыльных орехов.

Проследив взглядом, он и впрямь увидел: юный ланьцзюнь сидел на корточках в стороне и пользовался тем самым знакомым лекарственным пестиком, растирая высушенные скорлупки

мыльных орехов, которые Жун Фэн собрал в горах. Растерев их в порошок, он добавил немного соли и, подлив воды, размешал всё в густую кашу.

Этот ланьцзюнь очень любил чистоту. Когда по дороге в горах ему попалось зрелое дерево мыльных орехов, это было всего лишь мимолётное решение - хотя ноша и так была тяжёлой, он всё же собрал плоды. Теперь, глядя на Минь Си, Жун Фэн понимал: решение было верным.

На ужин была жареная свиная требуха. Дикий кабан, добытый в горах, не пропал ни в одной своей части: все внутренности Бянь Хун тщательно перебрал - что-то высушил и засолил, что-то сразу потушил. Кишки он многократно промыл, и жареные потроха получились жирными и ароматными; на сильном огне их обжарили до хрустящей корочки, а затем по краю сковороды плеснули соевого соуса и жёлтого вина. Сразу раздалось шипение, от которого у всех в животе заурчало.

Мать Жун уже почти утратила аппетит, поэтому Бянь Хун отдельно приготовил для неё маленькую миску парового яичного пудинга. Яиц в доме не было, он использовали два птичьих яйца. И происхождение этих двух яиц тоже стоило упомянуть. Пока Бянь Хун был занят, Юаньдин сам отправился вниз по склону и полез на дерево разорять птичье гнездо. Но едва он забрался наполовину, как Гуаньбао, этот маленький доносчик, прибежал жаловаться Бянь Хуну, всхлипывая и говоря:

— Брат Юаньдин полез на большое дерево и меня с собой не взял.

Услышав это, Бянь Хун одновременно всполошился и рассердился, схватил скалку и выбежал наружу. Жун Фэн в это время чинил протекавшую черепицу на крыше. Увидев, как юный ланьцзюнь с грозным видом выскакивает из дома, он удивился, но, глянув вниз со ската крыши, сразу понял причину: на склоне Юаньдин, сжимая в руках птичьи яйца, застрял на уровне середины ствола - ни вверх, ни вниз двинуться не мог.

Дерево было толстое, и с точки зрения Жун Фэна опасности особой не представляло. В возрасте Юаньдина он уже умел лазать по деревьям вместе с горными обезьянами, добираясь до самых верхних ветвей, чтобы срывать самые сладкие плоды. Поэтому Жун Фэн отложил работу, уселся на черепице и стал наблюдать. Обычно молчаливый, осторожный, сдержанный и словно всегда притихший юный ланьцзюнь теперь стоял под деревом, уперев руки в бока, сжимая в руке скалку, от злости подпрыгивал на месте, но всё же не решался громко ругаться - боялся, что Юань Дин от волнения сорвётся.

Издали было не разглядеть его лица, но Жун Фэн предположил, что оно сейчас покраснело от злости, а в глазах, возможно, впервые за долгое время мелькала живая, настоящая искра.

В итоге Юаньдина всё же снял с дерева сам Жун Фэн. А Бянь Хун, который ещё минуту назад кипел от гнева, был по-настоящему поражён тем, с какой лёгкостью и привычной ловкостью мужчина взобрался на ствол.

Ему не понадобилась даже лестница: он пробежался на коротком отрезке, затем резко

оттолкнулся и одним прыжком взмыл вверх. В одно мгновение он поднялся на пять-шесть метров, перелетел кроны и одной рукой ухватился за главный скелетный сук. Мышцы на руках напряглись, и он с лёгкостью подтянулся, уверенно перебираясь выше.

И тут Бянь Хун внезапно всё понял: выходит, в самый первый день, когда они только сюда пришли, та самая чашка яичного пудинга, скорее всего, появилась именно таким способом.

Юаньдин же был окончательно покорён «героизмом» старшего брата. Раньше он держался настороженно и из-за чужака, и из-за страха перед внешностью Жун Фэна, и из-за смутного ощущения, будто этот человек отнимет у них с Гуаньбао брата Си. В этой сдержанности таилась даже доля враждебности.

Но теперь всё было иначе. Юаньдин, зажатый под рукой Жун Фэна, запрокинул голову и смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых сияло чистое восхищение. Это был муж его брата Си, его старший брат. И в этот миг даже те странные глаза - карий и голубой, казались ему не пугающими, а по-настоящему доблестными и красивыми.

— Старший брат, научи меня лазать по деревьям, — выпалил он. — Это так здорово!

— Можно, — ответил Жун Фэн, — но сначала нужно тренировать другое. Ты слишком слаб.

Если бы раньше кто-нибудь сказал Юаньдину, что он слаб, он бы ни за что не согласился - характер у него был упрямый, он стремился доказать обратное. Но сейчас это сказал Жун Фэн, и мальчик лишь закивал:

— Тогда я буду хорошо есть.

Бянь Хун шёл позади них. Слова, которыми он собирался отругать Юаньдина, так и остались несказанными. Он просто поднял на руки всё ещё ничего не понимающего Гуаньбао и молча последовал за ними вверх по склону, обратно к дому.

Он молчал, потому что не знал, правильно ли довольствоваться нынешним покоем. Когда Юаньдин и Гуаньбао приняли эту жизнь, приняли этих людей, с окончанием зимы устная договорённость между ним и этим мужчиной утратит силу, и тогда им предстоит расстаться. Он ведь не настоящий ланьцзюнь и не может по-настоящему выйти замуж и родить детей. Он не принадлежит ни прежнему миру, ни нынешнему. Застряв между ними, он остаётся ни тем ни другим: не может стать Минь Си и не может вернуться к Бянь Хуну.

Его путь, откуда он пришёл, неразличим, а дорога впереди бесконечно туманна.